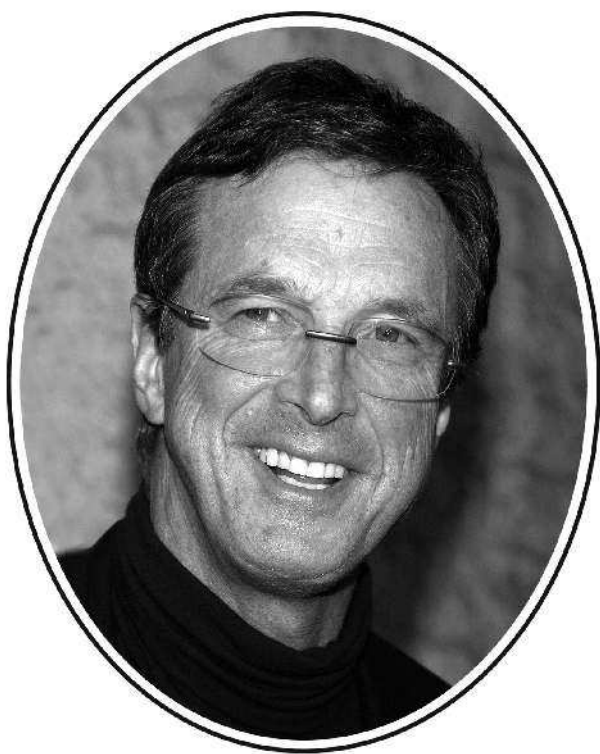

ПАРК ЮРСКОГО ПЕРИОДА

Michael Crichton

МАЙКЛ КРАЙТОН

ПАРК юрского периода

МОСКВА
2016

УДК 821.111.312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К77

JURASSIC PARK
Copyright © 1990 by Michael Crichton,
© 2014 by Dinosaur Holdings LLC

Перевод на русский язык *Шестаковой Елены Сергеевны*

Разработка серийного оформления *Д. Сазонова*

Крайтон, Майкл.

К77 Парк юрского периода : роман / Майкл Крайтон ; [пер. с англ. Е. С. Шестаковой]. — Москва : Эксмо, 2016. — 592 с. — (Парк юрского периода).

ISBN 978-5-699-80057-5

Джон Хаммонд не творил чудес: просто соединил бизнес с достижениями науки. Он вложил средства в исследования реликтовой ДНК, купил остров у побережья Коста-Рики и создал необычный биологический парк. Настоящие, живые динозавры содержатся там в условиях, близких к родному для них юрскому периоду. Бизнесмен уверен: проект ждет грандиозный успех! Это должны подтвердить ученые-эксперты, которых Хаммонд пригласил в парк перед официальным открытием. Но события выходят из-под контроля, подтверждая верность математической теории хаоса. Стечение обстоятельств превращает экскурсию в катастрофу. Система управления парком, на первый взгляд казавшаяся безупречной, выходит из строя. И люди остаются один на один со смертельно опасными хищниками, правившими планетой на заре времен...

Роман Майкла Крайтона увидел свет в 1990 году. Спустя три года по нему был снят культовый фильм Стивена Спилберга, положивший начало настоящей динозавромании. Феноменальный успех фильма вызвал к жизни целый ряд продолжений. Летом 2015 года в прокат выходит четвертая часть истории Парка юрского периода.

УДК 821.111.312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Шестакова Е. С., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-80057-5

Посвящается А-М и Т

Рептилии вызывают отвращение своим холодным телом, бледной окраской, хрящевым скелетом, грязной кожей, свирепым видом, немигающим взглядом, мерзким запахом, резким голосом, гадким обиталищем и ужасным ядом — вот почему Творец не потрудился создать их слишком уж много.

Карл Линней¹, 1797

Невозможно воскресить исчезнувшую форму жизни.

Эрвин Чарграфф², 1792

¹ Карл Линней (1707–1778) — шведский естествоиспытатель и врач. Впервые создал систему классификации растительного и животного мира, упорядочившую знания, накопленные на тот момент биологией. (*Здесь и далее, если не сказано иного, примеч. ред.*)

² Эрвин Чарграфф (1905–2002) — американский биохимик, внесший значительный вклад в исследование нуклеиновых кислот. В частности, Ф. Крик и Дж. Уотсон опирались на его работы при определении структуры ДНК.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Происшествие в «ИнГене»

В конце двадцатого столетия весь мир охватила научная золотая лихорадка невероятных масштабов: безудержная, неистовая погоня за барышами в коммерческом применении достижений геной инженерии. Эта отрасль науки развивалась столь стремительно — причем при минимальной огласке, — что ее настоящий размах и истинное содержание вообще трудно оценить.

Новые биотехнологии должны были стать основой величайших изменений в истории человечества. Уже к концу этого десятилетия биотехнологии наверняка займут даже более важное место в жизни человека, чем компьютеры и атомная энергия. Вот как сказал о них один из научных обозревателей: «Биотехнологии преобразят буквально все в нашей жизни: медицинское обслуживание, продукты питания, наше здоровье, развлечения, даже наши тела. Все переменится, ничто не останется прежним. Можно сказать, что биотехнологии изменят облик всей нашей планеты».

Однако биотехнологическая революция весьма отличается от всех прежних научных преобразований.

Во-первых, биотехнологические исследования чрезвычайно широко распространены. Америка вступила в эру

Предисловие

атомной энергетики благодаря разработкам одного-единственного исследовательского центра — в Лос-Аламосе. Компьютерный век наступил благодаря усилиям примерно дюжины различных компаний. А исследования в области биотехнологий ведутся сейчас более чем в двух тысячах лабораторий — и это в одной только Америке. Около пятисот корпораций ежегодно вкладывают в эти разработки до пяти миллиардов долларов.

Во-вторых, биотехнологические исследования, по большей части, либо вообще бессмысленны, либо направлены на маловажные, пустячные цели. Порою можно подумать, что речь здесь идет о шутке — ну кто бы стал вкладывать деньги, например, в выведение прозрачной форели только ради того, чтобы проплывающая рыба не мешала рассматривать речное дно? Или в выращивание новых пород деревьев — с квадратным стволом — для облегчения лесозаготовок. Или же в получение инъекционного экстракта ароматических клеток — для того, чтобы все время благоухать своими любимыми духами... Но все это не шутка. На самом деле, поскольку биотехнологии можно использовать в индустрии развлечений и прочих отраслях промышленности, которые традиционно удовлетворяли разнообразные человеческие капризы — как, например, производство косметики, — новые могущественные технологии находят все более и более странное, а порою даже причудливое применение.

В-третьих, работа над новыми технологиями никак не контролируется. За ней никто не следит. Не существует никаких федеральных законов, которые бы ее регламентировали. В отношении биотехнологий до сих пор не разработана официальная государственная политика — ни в Америке, ни где-либо еще в мире. Очень непросто выработать разумную политику в отрасли, которая производит буквально все, что угодно, — от лекарств и сельскохозяйственных культур до искусственного снега.

Но больше всего тревожит то, что среди самих ученых-генетиков не нашлось ни единого беспристрастного наблю-

Предисловие

дателя, который мог бы как-то контролировать направления научных разработок. Весьма примечательно, что практически каждый ученый, проводящий генетические исследования, живо заинтересован в коммерческом применении биотехнологий. Среди них нет сторонних наблюдателей. У каждого — своя доля в биотехнологическом бизнесе.

Переход молекулярной биологии на коммерческую основу — самая потрясающая нравственная проблема в истории науки, тем более что произошло это с невероятной быстротой. На протяжении четырех столетий, со времен Галилея, ученые свободно и открыто исследовали разнообразные тайны природы. Для настоящих ученых не существовало никаких национальных разграничений, наука была для них превыше переменчивых политических доктрин и даже войн. Ученые всегда выступали против засекречивания исследований и неодобрительно смотрели даже на обычай патентовать научные открытия — поскольку считали, что трудятся на благо всего человечества. И при жизни множества поколений открытия ученых действительно оставались до странности безличными.

И вот в 1953 году двое молодых ученых, Джеймс Уотсон¹ и Фрэнсис Крик², расшифровали строение ДНК³. Их

¹ Джеймс Д. Уотсон (род. в 1928) — американский биолог, в 1962 году совместно с Фрэнсисом Криком и Морисом Х. Ф. Уилкинсом получил Нобелевскую премию по физике и медицине «за открытия, касающиеся молекулярной структуры нуклеиновых кислот и их значения для передачи информации в живых системах структуры молекулы ДНК». Посвятил многие годы исследованию генома человека и исследованиям в области раковых заболеваний.

² Фрэнсис Крик (1916—2004) — британский молекулярный биолог, биофизик и нейробиолог. В 1962 году совместно с Джеймсом Д. Уотсоном и Морисом Х. Ф. Уилкинсом получил Нобелевскую премию за открытие структуры молекулы ДНК.

³ ДНК — дезоксирибонуклеиновая кислота — молекула, обеспечивающая хранение, передачу и реализацию генетической программы развития живых организмов. Имеет вид двойной цепи аминокислот, закрученной в спираль.

Предисловие

открытие стало настоящим триумфом человеческой мысли и духа. Оно разрешило извечную загадку, стоявшую перед человечеством, позволило понять устройство Вселенной с научной точки зрения. И всем казалось, что имена ученых-первооткрывателей вскоре забудутся, а это открытие, так же как прочие, будет причислено к величайшим победам человечества.

Однако этого не случилось. Тридцать лет спустя практически все ученые — коллеги Уотсона и Крика — устремили свои усилия на разработку несколько иного направления науки. Исследования в области молекулярной генетики стали предметом грандиозных, в несколько миллиардов долларов, коммерческих сделок. Однако событие, радикально изменившее биологическую науку, совершилось не в 1953-м, а в апреле 1976 года.

Тогда, в апреле семьдесят шестого, произошла знаменательная встреча, о которой теперь известно каждому. К бизнесмену Роберту Суонсону, и раньше не раз бравшемуся за рискованные коммерческие предприятия, пришел Герберт Бойер¹, ученый-биохимик из Калифорнийского университета. Вдвоем они основали компанию по разработке и применению придуманной Бойером технологии сшивания генов. Их новая компания, «Генинтех», очень скоро стала крупнейшей и самой прибыльной среди прочих компаний, использовавших генную инженерию.

И вдруг выяснилось, что всем сразу же захотелось разбогатеть. Буквально каждую неделю стали появляться все новые и новые компании; ученые, все как один, бросились вовсю извлекать выгоду из достижений генной инженерии.

¹ Герберт Бойер (род. в 1936 г.) — американский биохимик. Стал одним из разработчиков метода, с помощью которого можно принудить бактерию производить чужие белки, и одним из родоначальников генной инженерии. Синтезировал инсулин и гормон роста. В 1976 году совместно с венчурным капиталистом Робертом Соунсоном он действительно основал биотехнологическую корпорацию «Генинтех», просуществовавшую как независимая компания до 2009 года.

Предисловие

И к 1986 году уже как минимум триста шестьдесят два ученых, в том числе и шестьдесят четыре члена Национальной Академии наук, заседали в советах директоров биотехнологических фирм. А таких, которые не выставляли напоказ свою связь с подобными компаниями или же занимали должности консультантов, было во много раз больше.

Необходимо уделить особое внимание тому, насколько значительный сдвиг произошел за это время в мировоззрении ученых. Раньше приверженцы «чистой науки» относились к бизнесу с пренебрежением и свысока смотрели на предприимчивых дельцов. Они считали, что погоня за наживой чужда и просто неинтересна людям интеллектуального склада — этим делом пристало заниматься разве что каким-нибудь торговцам. И производить целевые научные исследования для промышленности, даже в таких престижных лабораториях, как «Белл»¹ или IBM, следует лишь тем ученым, которые не сумели получить университетский грант на свои разработки. Соответственно, приверженцы «чистой науки» чрезвычайно неодобрительно относились к ученым, которые работали по заказам промышленности, да и к самой промышленности тоже. В результате подобного упорного неприятия бизнеса университетские ученые были совершенно свободны от его порочного влияния. А если и возникала необходимость рассмотреть какой-нибудь научный вопрос, непосредственно касающийся промышленных технологий, незаинтересованные ученые могли обсуждать его на самом высшем уровне.

¹ Лаборатории Белла (Bell Labs) — американская (позже — франко-американская) корпорация, крупнейший исследовательский центр в области телекоммуникаций, электронных и компьютерных систем. Основана в 1925 году и существует по сей день. За годы своей деятельности корпорация разработала множество революционных технологий, таких, как транзистор, лазер, кварцевые часы, теорию информации, операционную систему UNIX, языки программирования C, C++ и др. Ученые Bell Labs семь раз становились лауреатами Нобелевской премии.

Предисловие

Но теперь все это осталось в прошлом. Сейчас весьма немногие молекулярные биологи и исследовательские учреждения никак не причастны к коммерческим структурам. Старые добрые времена миновали. А исследования в области генетики продолжаются. Ученые-генетики продвигаются вперед немислимыми темпами. Но ведутся эти исследования в строжайшей тайне, поспешно и ради выгоды.

В этой насквозь пропитанной коммерцией среде неизбежно должна была возникнуть такая амбициозная компания, как «Интернациональные генетические технологии, инкорпорейтед» в Пало-Альто — «ИнГен». И вовсе неудивительно, что генетический кризис, явившийся результатом деятельности этой компании, должен был остаться «за кадром». Ведь, в конце концов, все исследования, которые проводила компания «ИнГен», были строго засекречены, а сам инцидент произошел в одном из наиболее пустынных и удаленных уголков Центральной Америки, и свидетелями его стало всего около двух десятков человек. Причем в живых из них осталось гораздо меньше.

Даже когда все закончилось и «Интернациональные генетические технологии» 5 октября 1989 года обратились в «Отдел по делам об экономической несостоятельности» в Сан-Франциско, требуя защиты по статье одиннадцатой, — даже тогда это событие почти не привлекло внимания средств массовой информации. Объяснение этому очень простое: «ИнГен» стала уже третьей из мелких американских биоинженерных компаний, которые разорились в этом году, и седьмой по счету, начиная с 1986 года. Очень немногие из материалов судебного разбирательства стали достоянием прессы — поскольку кредиторами «ИнГена» были японские инвесторские консорциумы, такие, как «Хамагури» и «Денсака», а эти компании всегда старались избежать ненужной огласки. Чтобы не допустить излишней огласки и в этом деле, Дэниэл Росс из адвокатской фирмы «Коуэн, Свейн и Росс», который консультировал

Предисловие

«ИнГен», тоже посоветовал сослаться на традиции японских инвесторов. А несколько неожиданную петицию от вице-консула Коста-Рики просто оставили без внимания. Именно поэтому не стоит удивляться, что уже через какой-нибудь месяц все неприятности «ИнГена» были тихо и любовно улажены.

Все, кто участвовал в улаживании конфликта, в том числе и несколько именитых ученых-консультантов, дали подписку о неразглашении и не желали ни с кем обсуждать случившееся. Но множество сотрудников бывшей компании «ИнГен» никаких подписок не давали и, наоборот, горели желанием поговорить о весьма примечательных событиях, которые в конце концов привели к тем последним двум дням в августе 1989 года на небольшом островке, затерянном в океане к западу от берегов Коста-Рики.

ПРОЛОГ

Укус раптора

Мощные струи тропического ливня молотили по рифленой крыше больницы, с гулким рокотом проносились вниз по металлическим водосточным желобам, выплескивались на землю и растекались широкими потоками. Роберта Картер тяжело вздохнула и посмотрела в окно. Из больничного окна почти ничего нельзя было разглядеть — и пляж, и океан скрывала сплошная пелена дождя. Роберта представляла себе все совсем иначе, когда отправлялась в рыбацкий поселок Бахья-Анаско на западном побережье Коста-Рики, где она должна была проработать два месяца на должности участкового врача. Роберта Картер думала, что здесь ее ждет ласковое солнце и приятный отдых после двух лет изнурительной стажировки в Центре экстремальной медицины Майкла Ризи, в Чикаго.

И вот она уже три недели в Бахья-Анаско. И каждый божий день здесь идет дождь.

Впрочем, на все остальное просто грех жаловаться. Роберте пришлось по душе и удаленность Бахья-Анаско от населенных мест, и искреннее дружелюбие местных жителей. Система медицинского обслуживания в Коста-Рике — одна из двадцати лучших в мире, и даже в этой заброшенной прибрежной деревушке больница прекрасно оборудована и оснащена всеми необходимыми приборами и медика-

Пролог

ментами. Ассистент врача, фельдшер Мануэль Арагон, — грамотный специалист с хорошей практической подготовкой. Здесь Роберта вполне могла выполнять манипуляции такого же уровня сложности, как в Чикаго.

Но этот дождь! Постоянный, нескончаемый дождь!

Мануэль, сидевший в противоположном конце комнаты для осмотра больных, вдруг вскинул голову и сказал:

— Вы слышите?

— Слышу, слышу, можешь не сомневаться, — отозвалась Роберта.

— Нет, я не об этом. Слушайте!

И вот она тоже уловила посторонний звук, пробивавшийся сквозь шум дождя, — низкий рокот, который все нарастал, становился все громче, пока не превратился в ясно различимый ритмичный стрекот винтов вертолета. Роберта подумала: «Но вертолеты не летают в такую погоду!»

Однако стрекот вертолета звучал уже совсем отчетливо, а потом показался и сам вертолет — машина вынырнула из пелены дождя очень низко над водой, взмыла выше, сделала круг, потом снова вернулась к береговой полосе. Роберта смотрела, как вертолет пролетел над водой, в ту сторону, где стояли рыбацьи лодки, потом свернул к шаткой пристани, потом снова полетел к пляжу.

Они ищут, где приземлиться.

Это был толстопузый «Сикорски» с голубой полосой вдоль борта и надписью: «Транспорт компании «ИнГен». «ИнГен» — так называлась компания, строившая новый курортный центр на одном из островов, расположенных неподалеку отсюда. Поговаривали, что в этом курортном центре будут какие-то необычные эффектные зрелища, для которых возводились очень сложные конструкции, — многие местные жители нанимались рабочими на строительство, длившееся уже более двух лет. Роберта прекрасно представляла себе такие курорты — грандиозные американские центры отдыха с плавательными бассейнами и теннисными кортами, где отдыхающие могут пить коктейли